

МЕТАФИЗИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ И ЭМПИРИЧЕСКИЕ КРИТЕРИИ ТОЖДЕСТВА ЛИЧНОСТИ

Д.В. Винник

Проблему тождества личности (personal identity) и единства сознания обычно относят к классическим философским проблемам и в известном смысле – к метафизическим. В самом деле, вопросы относительно природы конститутивной силы сознания, критериев тождества личности во времени и сущности структур, связывающих поток сознания в единое целое, выглядят несколько устаревшими, по крайней мере со времен Д. Юма. В XX веке эта традиционная проблема метафизики наполнилась новым содержанием. С одной стороны, современная наука открыла немало странных явлений, ставящих под сомнение традиционные концепции и взгляды. С другой стороны, данные науки продемонстрировали, что проблема тождества личности вовсе не является сугубо спекулятивной и выхолощенной, как это могло показаться ранее позитивно мыслящим философам. Рассмотрим наиболее интересные феномены и их критику.

Расстройство множественной личности (РМЛ), или диссоциативное расстройство личности

Широкую известность этот феномен расстройства сознания приобрел благодаря психиатрии, в первую очередь благодаря американскому психиатрическому руководству DSM-III, где это расстройство определяется следующим образом: «Расстройство характеризуется тем, что субъект имеет несколько отчетливых и отдельных личностей, каждая из которых определяет характер его поведения и установок за период времени, когда она доминирует. Оригинальная личность, или “хозяйка”, обычно амнезирует на тот период, когда доминируют другие личности. ... Переход от одной личности к другой наступает внезапно

и иногда выглядит драматически. Обычно на период доминирования одной личности имеет место полная амнезия относительно существования других личностей и относительно событий, которые имели место в период доминирования другой личности. Иногда, однако, состояние, в котором доминирует одна личность, не ограничивается памятью только на нее и сохраняет полное осознание существования, качества и деятельности других личностей» [1].

Один из сторонников этого диагноза, Р. Симон считает, что небольшое количество индивидуумов с РМЛ имеют две личности, большинство имеют от шести до двенадцати, переход из одной личности в другую происходит спонтанно. Такой переход обычно сопровождается застывший взгляд, частое мигание и изменение мимики. Личности могут как осознавать, так и не осознавать наличие других личностей в индивиде. Они могут настолько различаться, что очки, выписанные для одной «содержащейся» в пациенте личности, не подходят другой [2].

Данный диагноз как теоретическая конструкция вызвал серьезную критику как конкретно-научного, так и фундаментального характера. Умеренные критики изнутри психиатрического сообщества в основном указывают на достигшую невиданных масштабов гипердиагностику РМЛ. Радикальные критики подвергают сомнению сам психофизический характер этого явления, считая его явлением массового сознания, а точнее – разновидностью психической эпидемии, охватившей как пациентов, так и самих врачей.

Критические настроенные исследователи-психиатры в ранние 90-е годы обнаружили, что в США и Канаде большинство психиатров не ставило диагноз и даже не встречало ни одного случая РМЛ. Вплоть до 1980 г. сообщалось примерно 200 случаев. Благодаря усилиям группы сторонников РМЛ Ф. Патнэма, Б. Брауна, Ф. Кунс, К. Росс, Е. Блисс и Р. Клффта диагноз РМЛ был включен в DSM-III в 1980. В 1990, однако, более 20 000 были диагностированы РМЛ. По нынешним оценкам их более 2-х миллионов [3].

Американский психиатр П. Мак-Хуг [4] полагает, что диагноз РМЛ является результатом массивного косвенного внушения со стороны психотерапевта. Так, психотерапевт задает пациенту вопрос: «Вы когда-нибудь чувствовали, что как будто другая часть Вас делает что-то такое, что не поддается Вашему контролю?» Если пациент отвечает положительно, следует вопрос: «Можно я поговорю

с этой частью Вас?». Целостная личность пациента намеренно разделяется психотерапевтом на несколько «субличностей». Таким образом, пациент, позволяя психотерапевту говорить с «частью себя», теряет чувство целостности «я».

Отечественный исследователь в области криминалистической психиатрии В. Мотов считает, что история с РМЛ в Америке – одно из наиболее убедительных доказательств мощи и тотальности эффекта промывки мозгов, мощи масс-медиа: «Факты таковы: до 1964 г. в мировой психиатрической литературе были описаны лишь 6 случаев РМЛ. Между тем, в 1957 и 1973 гг. в США вышли две книги: “The Three Faces of Eve” (“Три лица Евы”) и “Sybil” (“Сивилла”), в которых симптомы РМЛ получили захватывающую художественную интерпретацию. Книги стали бестселлерами, по обеим были сняты удостоившиеся премий фильмы, имевшие большой кассовый успех... уловив интерес публики, американские газеты и журналы бросились наперебой печатать полуфантастические истории о РМЛ» [5].

Американский философ Дэниел Дэннет не сомневается в реальности этого феномена [6], однако, настаивает на том, что следует сконцентрировать усилия на его биологическом или даже метафизическом объяснении, поскольку психогенетическое объяснение явно неполно. Суть психогенетического объяснения основана на данных, что это расстройство развивается у лиц, перенесших различные формы насилия в детстве, в особенности сексуального. По мнению сторонников этой теории, этот опыт является настолько травматичным, что выживание психики после него возможно только при условии вытеснения негативного содержания из повседневного сознания. Это вытеснение и приводит к формированию альтер-эго, компенсирующего вытеснение. Несмотря на всю кажущуюся правдоподобность, это объяснение нельзя признать полностью приемлемым. Во-первых, как замечает Н. Спанос [7], большая доля статистических данных основана не на объективных свидетельствах, а на интроспективных отчетах пациентов, которым удалось реанимировать подавленные воспоминания в результате психотерапии. Методология извлечения таких воспоминаний не лишена серьезных изъянов, поскольку нельзя исключить внушения этих воспоминаний самим «психотерапевтом».

Убежденность в существовании феномена множественных личностей нередко имеет весьма драматические последствия. Судьи,

вынужденные общаться с пациентами, «переключающимися» или симулирующими переключение с одной субличности на другую, оказываются поставленными в тупик. Традиционные критерии определения вменяемости оказываются не всегда эффективными. Известны случаи в конце 70-х – начале 80-х гг., когда, пациенты, настаивающие на наличии у себя диагноза РМЛ, были признаны невменяемыми и избежали наказания [8]. Расстройство множественной личности непосредственно связано с феноменом ложных воспоминаний. С описанием и анализом самого феномена ложных воспоминаний можно ознакомиться в статье Элизабет Лофтус [9]. Упомянутый В. Мотов описывает случай, имевший место в 1988 г., когда по отношению к молодой пациентке, испытавшей на себе внушение ложных воспоминаний о сексуальном насилии со стороны отца, применялся амитал натрия, известная как «сыворотка правды» в качестве средства «полного восстановления подавленных воспоминаний». Внушение был столь глубоким, что амитал-натриевое растормаживание не позволило выявить ложность воспоминаний. Отцу дочери удалось доказать в суде, что консультант (не врач) по вопросам семейных, брачных отношений и воспитания и врач-психиатр проявили профессиональную некомпетентность, создав ложное представление, и что воспоминания, полученные под воздействием амитала натрия, не являются совершенно надежными.

Для многих пациентов и членов их семей результаты лечения с помощью восстановленных воспоминаний обернулись трагедией. Пациенты, «вспомнив» в процессе лечения о том, как 20–30 или более лет назад, будучи детьми, они «подверглись сексуальному насилию» со стороны своих родителей или близких, стали обращаться в суды с исками к ним. В качестве реакции на эту проблему в 1985 г. Американская медицинская ассоциация подчеркнула, что не существует методов, которые могли бы надежно показать, является ли истинным или ложным каждое конкретное воспоминание в каждом конкретном случае [10].

В условиях общества, в котором влияние психоанализа на умы сопоставимо с влиянием религиозных доктрин, такой поворот событий очень вероятен. Во-вторых, сама предпосылка о всеобщем характере механизма подавления воспоминаний весьма сомнительна. Она косвенным образом противоречит принципу естественного отбора. Любой опыт, в особенности негативный, увеличивает шансы на вы-

живание особи, поскольку формирует чувство опасности относительно схожих ситуаций. Нередко исследователи принимают сознательное и последовательное нежелание людей рассказывать о своих неприятных воспоминаниях за подавленные воспоминания, вытесненные из сферы сознания. Очевидно, что психогенетическое объяснение носит грубый редуционистский характер психоаналитического толка, сводя все к примитивному механизму вытеснение-компенсация относительно первичного сексуального психического содержания. Вопрос, как столь удивительное явление возможно с точки зрения нашего знания о человеческой нейрофизиологии представляется гораздо более актуальным и научным. Однако не стоит отбрасывать возможность, что, возможно, сам феномен является не психофизиологическим в чистом виде, а явлением массового сознания. Подобной точки зрения придерживается доктор Росс: «Перестаньте обращать внимание на множественные личности. Прекратите общаться с ними, делать о них записи, обсуждать на конференциях. Обращайте внимание на реально существующие проблемы и конфликты, а не на фантазии. Если следовать этим простым, знакомым правилам, множественные личности вскоре исчезнут» [11].

Отношение к этому явлению в американском обществе наводит на аналогию со средневековыми верованиями в возможность одержимости демонами. Судя по всему, в христианском менталитете американцев вера в существование скрытых субличностей в психике человека заняла место христианской демонологии, которая перестала быть адекватной современным реалиям в чистом виде. Это вера успешно подогревается кинематографом и масс-медиа. Сюжет триллера про маньяка, не подозревающего в обыденном состоянии сознания о своем втором агрессивном и предельно жестоким «я», стал почти каноническим. В любом случае, симптоматика, ассоциируемая с этим расстройством, действительно имеет место и представляет научный интерес.

Деперсонализация

Деперсонализация представляет собой достаточно необычный феномен расстройства сознания. Главной особенностью деперсонализации является чувство нереальности и незнакомости, которое тесно связано с сознанием. Деперсонализация довольно часто на-

блюдается как случайный изолированный эпизод в жизни человека, и она не обязательно является патологической. Исследование распространенности этого расстройства указывает на то, что кратковременная деперсонализация может появляться у 70% всего населения без значительной разницы между мужчинами и женщинами [12]. Иногда наблюдается особенно странный феномен – феномен дублирования: «больной ощущает, что та точка, которой он ощущает самого себя, свое эго, находится вне тела, иногда на несколько футов выше головы, откуда он сам наблюдает за самим собой, как будто бы он является совсем другим лицом. Иногда больному кажется, что он находится одновременно в двух местах, – это состояние известно как редупликативная (удвоенная) парамнезия, или двойная ориентация» [13].

Искусственно этот феномен может быть вызван у здоровых людей сильным переутомлением или приемом диссоциативных психанестетиков, например кетамина. В отличие от множественного расстройства личности реальность данного психологического феномена не вызывает сомнений. Более того, использование психоактивных веществ для индуцирования этого психического явления успешно применяется в технологии «промывки мозгов» с целью «расплавить» психику объекта психологической обработки и таким образом увеличить эффективность суггестивного воздействия. Существует даже так называемая кетаминовая психотерапия, которая применяется для лечения хронического алкоголизма [14]. Намеренно не поставленный в известность об ожидаемых изменениях восприятия и сознания, клиент испытывает шок от полной дезориентации в пространстве, времени и собственной личности. Явление деперсонализации свидетельствует о том, что обыденные представления об устойчивой личности, имеющие много общего с конструкциями классической метафизики, далеко не соответствуют действительности. Интроспекция не обеспечивает восприятия собственной личности как устойчивой и неизменной сущности. Существуют состояния сознания, содержание которых настолько необычно упорядочено, что наши ординарные представления о собственной личности как некоторой независимой переменной теряют всякий смысл.

Расщепление мозга

Расчленение мозолистого тела (*corpus colossum*) является хирургической операцией на мозге. Она применялась для лечения эпилепсии в 60-е годы. Феномен расщепления мозга широко описан в литературе по психофизиологии и является хрестоматийным. В результате операции правое и левое полушария начинают действовать в определенной степени автономно, что отражается на восприятии, поведении и мышлении. В некоторых случаях поведение может быть очень комичным и драматичным одновременно, например, одна рука может стремиться завязать шнурок на ботинке, а другая препятствовать этому, одна рука может гладить супругу, а другая стремится дать ей подзатыльник. Именно расщепление мозга дало богатые данные, свидетельствующие о функциональной асимметрии мозга.

Хрестоматийными стали результаты, полученные в результате предъявления различных зрительных стимулов правому и левому глазу. Когда изображение чашки попадало в правую часть поля зрения и поступало для переработки в левое полушарие, больная без труда называла предмет, который видела. Но когда изображение теперь уже ложки попадало в левую часть зрительного поля, сигналы от которого перерабатывались правым полушарием, больная отвечала, что ничего не видела. И все же переработка информации, очевидно, имела место, так как пациентка смогла выбрать ложку среди ряда других предметов. Именно этот эксперимент и подобные ему послужили основанием для того, чтобы считать левое полушарие «доминирующим» и вербальным, а второе «второстепенным» и невербальным. Однако более поздние эксперименты Э. Зайделя с использованием так называемой Z-линзы показали, что правое полушарие способно участвовать в процессе восприятия речи, однако словарный запас, содержащийся в правом полушарии, близок словарному запасу десятилетнего ребенка.

Данный феномен произвел сильное впечатление на психофизиологов. В этом отношении показателен вывод знаменитого исследователя мозга Р. Сперри: «каждое полушарие имеет свои собственные отдельные ощущения, восприятия, мысли и идеи, полностью обособленные от соответствующих внутренних переживаний другого полушария. Каждое полушарие – левое и правое – имеет свою собственную отдельную цепь воспоминаний и усвоенных знаний, недоступных для другого. Во

многих отношениях каждое из них имеет как бы отдельное собственное мышление» [15].

Тем не менее это лишь одна из существующих точек зрения. Согласно современному американскому философу Т. Нагелю [16], феномену расщепленного мозга можно дать пять философских объяснений:

- 1) Пациенты обладают только одной нормальной психикой, связанной с левым полушарием, в то время как реакции, исходящие от правого полушария, являются автоматическими и не продуцируют сознательных ментальных состояний;
- 2) Пациенты обладают только одной психикой, основанной на деятельности левого полушария;
- 3) У пациентов две психики, одна из которых способна к речи, а другая не способна;
- 4) Пациенты обладают одной диссоциированной психикой, содержание которой, однако, продуцируется обоими полушариями;
- 5) Пациенты большую часть времени обладают одной нормальной психикой, несмотря на то, что полушария функционируют параллельно. Разделение на две психики происходит только в результате специально созданной экспериментальной ситуации, после которой психика вновь обретает единство.

Прогресс в нейрохирургии вплотную приближает тот момент, когда будут возможны пересадка мозга из одного тела в другое и, вероятно, комбинирование нового цельного мозга из разных полушарий. Это послужило основанием для целого ряда мысленных экспериментов, которые, вполне возможно, в отдаленном будущем могут быть реализованы. Предположим, что у нас есть два субъекта: Гилос и Филонус. Если мы пересадим мозг Филонуса в черепную коробку Гилоса, кем будет являться новое создание Гилонус? С точки зрения церебрального критерия он, очевидно, будет Филонусом. Однако усложним эксперимент и допустим, что мы пересадим в череп Гилоса лишь левое полушарие мозга Филонуса взамен его собственного. Кем будет этот странный субъект? Способна ли выжить такая личность вообще? С точки зрения прогресса в медицине и биологии, есть основания полагать, что ответ на данный вопрос может находиться в сфере конкретно-научного знания.

Критерии тождества личности

Рассмотренные выше феномены побуждают нас переосмыслить проблему тождества личности в натуралистическом ключе. Эта проблема перестала быть сугубо метафизической, какой она воспринималась вплоть до начала XX в. Платонистские представления о простой и неделимой душе явно не соответствуют тем богатым данным о душевной жизни человека, которые имеются в распоряжении современной науки. Представления Аристотеля о структуре души до сих пор имеют влияние в психологии, однако концепция автономности разумной части души, которая может существовать отдельно от тела и вне связи с другими психическими способностями, также не отвечает современному знанию о нейрофункциональной обусловленности высших когнитивных функций. Тем не менее нельзя утверждать, что метафизическое содержание проблемы претерпело полную инфляцию. Оно было переосмыслено в свете вопроса о том, какие критерии могут являться необходимыми и достаточными для определения тождества личности, или, иначе говоря, какие факторы конституируют тождество личности. На этот вопрос было дано большое количество различных ответов, которые вряд ли имеют смысл подробно анализировать. Однако их можно подразделить на две интуитивно очевидные критерии: критерии физические и критерии ментальные.

Самым древним и в то же время повседневным физическим критерием является телесный критерий, согласно которому личность отождествляется с телом. Он до сих пор используется для установления личности в юридических процедурах.

Гипотетическая возможность пересадки мозга, вероятно, привела к появлению так называемого «мозгового», или церебрального, критерия, согласно которому некая личность *A* совпадает с личностью *B*, если она обладает тем же самым мозгом, что и личность *B*. Согласно модифицированному церебральному критерию, эту роль может выполнять не весь мозг, а лишь его часть, достаточная для выживания и сохранения основных психических функций.

История ментальных, или психологических, критериев столь же стара, сколь стары представления о нематериальной душе. Самым известным является критерий памяти, предложенный еще Дж. Локком. Согласно этому критерию субъект *A* во время t_1 тождествен субъекту

A' во время t_2 , если они обладают некоторым общим содержанием памяти или общими воспоминаниями. Более совершенный критерий психологической *связанности* (connectedness) требует непрерывности воспоминаний между предыдущим субъектом A и последующим во времени субъектом A' . Однако в данном случае мы можем наблюдать нарушение логической транзитивности, которое несовместимо с понятием тождества, поскольку отношение тождества транзитивно, а память нет.

Представим, что нередко имеет место в действительности, субъекта X , который психологически *связан* с субъектом Y (имеет с ним общие воспоминания, каузальные отношения между интенциями и действиями), а Y , в свою очередь, *связан* с Z . Из этого не следует, что X психологически *связан* с Z , и это легко представить на примере человека, который в возрасте пяти лет хорошо помнит себя в возрасте трех лет, но в возрасте 70 лет не имеет воспоминаний о себе в возрасте трех лет, хотя себя пятилетнего помнит достаточно хорошо. Во избежание нарушения транзитивности в качестве критерия было выдвинуто отношение психологической *непрерывности*, которое подразумевает перекрытие цепочек прямых психологических отношений. Непрерывность в отличие от связанности является транзитивной.

Следует отметить, ментальные критерии так же обогатились новым содержанием, имеющим мало общего с классической метафизикой. Развитие кибернетики и функционализма, исходящего из посылки, что сознание это не более чем логическая структура, привело к идее возможности перезаписи информации с одного мозга на другой или вообще на иной, небологический носитель. Данное допущение не вышло за пределы многочисленных мысленных экспериментов и является сильным теоретическим, если не метафизическим допущением в рамках функционализма. Эти мысленные эксперименты продемонстрировали, что в пределах функционализма физический критерий не работает, поскольку если мы, подобно компьютерной программе, «выгрузим» сознание из мозга A и загрузим его в мозг субъекта B , последний, в конечном счете, будет являться A , что противоречит церебральному критерию в явном виде.

В современной философии сознания имеет место радикальная критика ментального критерия памяти. Наиболее популярным контраргументом является так называемый «редупликационный аргумент», выдвинутый Б. Уильямсом [17].

Нам предлагается очередной мысленный эксперимент. Изменив обстоятельства английской истории (изложенные в оригинальной версии) на обстоятельства истории российской, его можно изложить следующим образом. Представим себе нашего современника, некоего Василия Кусанина, у которого имеют место воспоминания Ивана Сусанина. Воспоминания носят настолько подробный и правдоподобный характер, что действительно проливают свет на исторические обстоятельства гибели польского войска. С точки зрения критерия памяти, Василий Кусанин и Иван Сусанин один и тот же человек. Однако, если мы добавим еще одну посылку, данный критерий перестает работать. Допустим, что у Василия есть брат-близнец Петр, который страдает в точности такой же психической аномалией – он «помнит» в точности тоже самое, что и его брат. Кто из них является Иваном Сусаниным на самом деле? Установить это, основываясь на анализе их воспоминаний, очевидно невозможно.

Другой контраргумент был выдвинут еще в начале XVII в. английским философом Дж. Батлером. Он обнаружил порочный круг в объяснении, что тождество личности основывается на памяти, поскольку понятие памяти само по себе включает понятие субъекта, носителя этой памяти, тождественного самому себе во времени. Критика Батлера была направлена против Дж. Локка и Д. Юма.

В качестве защиты психологического критерия памяти было предпринято несколько попыток. Наиболее интересная идея принадлежит С. Шумахеру, высказанная им в 60-е гг. XX в. [18]. Он постарался торпедировать контраргумент Батлера, введя новое понятие памяти, которое он считает более фундаментальным, нежели классическое понятие памяти. Он назвал его «квази-памятью» или q-памятью. Квази-память очень сильно похожа на обычную человеческую память с той лишь разницей, что к этому виду памяти неприменимо понятие ложных воспоминаний. Для квази-памяти безразлично, истинные у вас воспоминания или ложные. Она рассматривает воспоминания как сырой феноменологический факт. Более того, нельзя сказать, кому данные воспоминания принадлежат; они рассматриваются как объективное бессубъектное содержание. Другими словами, понятие квази-памяти отличается от понятия обычной памяти только тем, что не предполагает субъекта, носителя этой памяти, тождественного себе в потоке времени. Шумахер признает, что такое понятие памяти непременно придется по душе сторонником теории реинкарнации, однако он настаивает, что его аргумент носит сугубо логический характер как способ избежать противоречия,

имеющего отношение скорее к схоластике, чем к реальности. Онтологический статус квази-памяти и механизм ее передачи С. Шумахер сознательно оставляет за скобками с целью избежать мистических интерпретаций. Трюк Шумахера действительно впечатлил многих, однако никто не заметил, что понятие квази-памяти в почти явном виде фигурирует в философии Юма. Это непосредственно вытекает из его убеждения, что все наши ментальные состояния, включая воспоминания, не привязаны к некоему одному субъекту, к «Я»: «Итак, идея нашего я не может происходить ни от этих, ни от каких-либо других впечатлений, а следовательно, такой идеи совсем нет» [19]. Существует только объективный поток множества ментальных состояний, которые местами ассоциируются в кластеры. Последние, в свою очередь, и являются тем, что мы называем личностью: «...я решаюсь утверждать относительно остальных людей, что они суть не что иное, как связка или пучок (bundle or collection) различных восприятий, следующих друг за другом с непостижимой быстротой и находящихся в постоянном течении, в постоянном движении» [20].

Финал рассуждений Юма неутешителен: «Собственно говоря, в духе нет простоты в любой данный момент и нет тождества в различные моменты, как бы велика не была наша естественная склонность воображать подобную простоту и подобное тождество» [21]. Только в рамках столь экзотической концепции уместен вопрос, который в свое время задавал У. Джемс, почему, когда мы просыпаемся, мы просыпаемся тем же самым человеком, что и засыпали, а не каким-либо другим? Как и любые психические состояния, воспоминания в философии Юма по существу ничьи, они существуют до и прежде всякого субъекта, в конституировании которого они участвуют.

Современный британский философ Д. Парфит предложил интересную натуралистическую интерпретацию квази-памяти [22]. Он вообразил существ, которые делятся с помощью митоза; вместе с делением их тел содержание их памяти так же делится надвое. Таким образом, у каждого такого животного существует масса чужих воспоминаний, не имеющих отношения к их личной истории. Можно пойти дальше и вообразить существ, которые делятся на две части весной и сливаются осенью. Несмотря на объяснение простой комбинаторикой, психическая жизнь таких существ должна быть хаотичной и откровенно кошмарной по нашим представлениям. Возможно, конечно, представить некую божественную в этом мире

супер-аллель пары особенно преданных существ, которые сливаются после деления только друг с другом и поддерживают, таким образом, единство и упорядоченность своих воспоминаний во времени. Тем не менее, их память, более похожая на нашу, чем у их братьев, является не более чем частным случаем деятельности механизма трансляции и комбинирования «чужих» воспоминаний. Д. Парфит приходит к выводу, что понятие тождества личности с точки зрения онтологии вторично. Более фундаментальны понятия психологической связности и непрерывности памяти.

Помимо концепции квази-памяти существует еще так называемая концепция «простого взгляда», устойчивая против редупликационного аргумента. Эта концепция была выдвинута Р. Свинберном [23], однако получила свое название благодаря Д. Парфиту. Устойчивость во времени тела и мозга, психологическая связность и непрерывность имеют отношение только к доказательству тождества личности, но не в этом заключено его содержание. Более того, такого содержания не существует, тождество личности рассматривается как предельный, неанализируемый ненаблюдаемый факт. Тождество личности неанализируемо в терминах конъюнкций и дизъюнкций наблюдаемых качеств. Личности рассматриваются как отдельные сущности, отличные от мозгов, тел или ментальных состояний.

В наиболее откровенной форме эту точку зрения выразил шотландский философ Т. Рейд: «тождество, которое мы приписываем телам, естественным или искусственным, не лучшее тождество, это скорее то, что мы называем тождеством для простоты речи. Тождество не имеет установленной природы, когда применяется к телам и часто споры о нем являются спорами о словах. Но когда понятие тождества применяется к личностям, оно не несет двусмысленности и не допускает степеней больше или меньше... это понятие фиксировано и четко» [24].

Подобная «простота взгляда», очевидно, далеко не нова. Картезианская философия содержит эту идею в чистом виде. Понятие духовного, непространственного, интеллигибельного чистого эго является лучшим кандидатом для такой сущности. Существование и следование эго, тождество физических объектов иллюзорно, но существование эго и его самотождественность предельно очевидна и непогрешима. Мы можем сомневаться в том, что в разные периоды времени мы обладаем одним и тем же телом, то, что наше лицо в зеркале это тоже самое лицо что и вчера, хотя бы потому, что представления

о нашем теле являются не более чем комбинациями чувственных данных, которые, в принципе, могут рекомбинироваться. Иногда это реально имеет место в субъективном восприятии, так, при приеме психотропных веществ нередко переживается так называемое «нарушение схемы тела». Напротив, согласно субстанциальному дуализму, мы не можем сомневаться в факте собственного существования, содержание которого не меняется со временем и обеспечивает самоидентичность.

Если вернуться к «редупликационному» аргументу против критерия памяти для установления тождества личности, следует заключить, что «простой взгляд» предполагает, что отношение тождества является разновидностью взаимно-однозначного соответствия. Поэтому очевидно, что Петр и Василий не могут оба быть Иваном Сусаниным. В действительности им может быть только один. К сожалению, знание этого тождества доступно только самому субъекту, и никакие внешние критерии не могут гарантировать объективного знания этого тождества.

Многие философы полагают, что тождество личности и телесное тождество следует различать логически. Эту точку зрения в «сыром» виде можно обнаружить еще в картезианском дуализме. Локк полагал, что сознание играет решающую роль в тождестве личности, а Юм и ранний Рассел полгали, что устойчивость личности во времени заключается только в наличии серии ментальных событий (ощущений, переживаний), которые комбинируются вместе на основании не-физического отношения со-личностности (co-personality), которое можно трактовать как отношение быть *чей-то* памятью.

Философской концепцией, которая способна совместить простоту взгляда и понятие квази-памяти, является атрибутивный дуализм, или так называемый дуализм свойств. Физические свойства являются наиболее фундаментальными в процессе конституирования тождества личности. Наука пока что не имеет дела с бестелесными личностями, поэтому отвергать это основание бессмысленно. Следует иметь в виду, что при установлении тождества личности нельзя руководствоваться только одними физическими критериями, поскольку известны случаи, когда, при сохранении, по крайней мере, видимого физического тождества, личность меняется до полной не-

узнаваемости. Ментальные свойства нередуцируемы к физическим, однако их изменение возможно только как следствие изменений свойств физических.

Метафизические представления о психике человека являются не столько результатом рефлексии, сколько обобщением обыденных представлений о состоянии сознания и психики здорового человека в нормальной обстановке. Концепция так называемого «простого взгляда» совместима с понятием квази-памяти, несмотря на происхождение из различных концепций, а именно – картезианства и юмизма. Сознание собственного тождества является разновидностью фонового содержания.

К свидетельствам о случаях диссоциации, расщепления сознания и ложных воспоминаний следует относиться предельно осторожно. Нередко они являются следствием недобросовестного анализа интроспективных отчетов, игнорированием скрытых мотивов опрашиваемых, теоретическими и нередко мифологическими предубеждениями исследователей, корыстными интересами получения компенсации из фондов медицинского страхования и прямой фальсификацией.

Примечания

1. Цит. по: Каплан Г.И., Сэдок Б.Дж. Клиническая психиатрия: Из синописа по психиатрии. – М.: Медицина, 1998. – Т. 1. – С. 453–454.
2. Simon R. Bad Men Do What Good Men Dream. – Washington. – DC, London, 1996. – P. 362.
3. См.: Мотов В.В. Расстройство в виде множественной личности в США // Независимый психиатрический журнал. – Архангельск, 2005. – № 1. – С. 45.
4. McHugh P. Multiple Personality Disorder // The Harvard Mental Health Letter. – 1993. – V. 10, № 3. – P. 5.
5. Мотов В.В. Расстройство в виде множественной личности в США. – С. 45.
6. Цит. по: Spanos N.P. Multiple identities & false memories: A sociocognitive perspective. – Washington: American Psychological Association, 1996.
7. Ibid.
8. См.: Мотов В.В. Расстройство в виде множественной личности в США.
9. См.: Loftus E. Creating false memories // Scientific American. – 1997. – V. 277, № 3. – P. 70–757.
10. См.: Мотов В.В. Расстройство в виде множественной личности в США.
11. Ross C. Multiple Personality Disorder: Diagnosis, Clinical Features, and Treatment. – N.Y.: Wiley, 1989. – P. 214.
12. Каплан Г.И., Сэдок Б.Дж. Клиническая психиатрия. – С. 430.
13. Там же.

14. См.: *Крупницкий Е.М., Гриненко А.Я.* Стабилизация ремиссий при алкоголизме (путем кетаминотерапии). – СПб.: Гиппократ, 1996.
15. Цит. по: *Блум Ф., Лейзерсон А., Хофстеттер Л.* Мозг, разум и поведение. – М.: Мир, 1988. – С. 178.
16. *Nagel T.D.* Brain Bisection and the Unity of Consciousness // *Synthese*. – 1971. – P. 396–413.
17. *Williams B.A.O.* Problems of the Self. – Cambridge. U.K.: Cambridge Univ. Press. – 1973. – P. 9.
18. См.: *Shoemaker S.* Personal Identity and Memory // *Journal of Philosophy*. – 1975. – № 56. – P. 868–882.
19. *Юм. Д.* Трактат о человеческой природе. Книга первая. – М.: Канон, 1995. – С. 346.
20. Там же. – С. 345.
21. Там же. – С. 184.
22. См.: *Parfit D.* Personal Identity // *Philosophical Review*. – 80. – 1971. – P. 200–221.
23. См.: *Swinburne R.* Faith and Reason. – Oxford: Clarendon Press, 2005.
24. Цит. по: *Williams B. A. O.* Problems of the Self. – Cambridge. – U.K.: Cambridge University Press – 1973 – P. 12.

Институт философии и права
СО РАН, г. Новосибирск

***Vinnik, D.V.* Metaphysical fundamentals and empirical criteria for personality identity**

The paper discusses the special scientific concept of personality identity. Mental disorders are considered as forms of breaking of the psyche unity. Theoretical premises are criticized which cause an extraordinary popularity of plural personality disorder in American psychiatry. Arguments for and against particular physical and mental criteria for personality identity are analyzed. Special emphasis is given to speculative arguments having a logical nature. The role of attributive dualism as a non-reductive conception which explains correlation of physical and mental criteria is proved.